

Хромой прежде был учеником Павильона Недеяния, а эта организация всегда любила собирать разные диковинные истории из мира рек и озер. Уж тем более, если случай произошел с их собственным учеником — так что историю растиражировали вовсю. С тех пор слава Юань Сяо по прозвищу Возрожденный Яма и пошла гулять по свету.

Люди, передавая рассказ, всегда норовят добавить что-то от себя, приукрасить, да ещё и домыслить — так понемногу слухи о Возрожденном Яме становились всё невероятнее, пока он и вовсе не превратился в настоящего владыку преисподней, явившегося в мир живых.

Интересно, что сам Возрожденный Яма думает, когда такое слышит.

(Третья часть)

— Эй, сказитель, ты много чего знаешь. Расскажи-ка нам ещё про Возрожденного Яма! — подзадоривал один из любителей острых ощущений, надеясь услышать что-нибудь новенькое.

— Ой, нет-нет, что вы! — сказитель отчаянно замахал руками, отнекиваясь. Когда отступить стало некуда, он наклонился пониже и понизил голос. — Да у вас, герои, смелости не занимать! О славе Возрожденного Яма я промолчу, но генерал-защитник государства — это же человек от двора!

— Вздор! Когда я в прошлый раз был в Лояне, там вовсю говорили! Разве мы, люди рек и озер, станем дворца бояться?!

— Эй-эй, почтенные, не лишайте меня куска хлеба! Я человек простой, как смею рассуждать о делах двора? — Сказитель, не видя выхода, принялся кланяться и улыбаться собравшимся, извиняясь. И так дошёл до одного человека.

Тот был странным. Пока все шумели, он хранил молчание. Мало того — вокруг него тоже было тихо, потому что никто не решался к нему приблизиться.

Никто не заметил, когда он появился. Словно с неба свалился — возник ниоткуда.

На голове у него была широкополая шляпа, да ещё и надвинутая пониже, будто специально, чтобы все видели: с этим человеком что-то не так. Когда сказитель поравнялся с ним, тот его остановил. Голос у незнакомца, вопреки внешности, оказался звонким и ясным, словно он нарочно хотел, чтобы его расслышали:

— Сказитель, смотрю, твоё красноречие и Горького даоса на две части обгоняет. Тот чёрное белым делает, а ты, гляди, мужчину в женщину превратишь. Три разбойника с божественными клинками всего несколько дней назад дело учинили, а ты уже всё до мелочей разузнал?

Сказитель внутри ёкнул: «Да какое тебе дело?» — но вслух не посмел высказать, отбрехался:

— Что вы, нашим ремеслом кормимся — без свежих вестей никак.

Сказитель хотел было конфликт замять, но незнакомец внезапно набросился, крепко сжав его запястье, и голос его понизился:

— С последней встречи месяца пролетели. Как поживаешь, молодой хозяин Ван?

Слова эти громом грянули, разоблачая личность сказителя. Люди ещё не успели опомниться, как тот вывернул запястье, вырвался, согбенная спина разогнулась, а рука скользнула по лицу,

срывая тонкую кожаную маску. Под ней оказался молодой парень семи чи ростом. Раздался звонкий лязг — и в его руке возник серебристый гибкий меч.

Ближайшие зрители лишь мельком увидели серебряную вспышку: клинок прошёл прямо у лица. Не успев даже ощутить его дух, они уже подкашивались от страха, бормоча:

— Меч... Меч Чэнцян!

— Усадьба Восьми Ветров!

Весь чайный дом вскочил с мест. Труссы кинулись к дверям и окнам, смельчаки же обступили помещение, жаждая зрелища. Один из десяти великих мастеров мира рек и озер — да такого в обычные дни не увидишь!

Молодой хозяин Усадьбы Восьми Ветров, владелец знаменитого меча Чэнцян — Ван Чэнцян. Имя его с именем меча совпадало: меч Чэнцян был рождён для него и лишь благодаря ему обрёл славу.

Ван Чэнцян, вложив в клинок внутреннюю силу, метнул его вперёд. Остриё сорвало шляпу с головы противника, и тот поднял лицо.

Теперь и объяснять не нужно было — все с первого взгляда узнали: да это же Шэнь Дуань, Игла Персикового Цвета!

На лице у Шэнь Дуаня красовалось родимое пятно в форме цветка персика. К тому же он учился в Долине Персикового Цвета — Долине Врачевания, где золотые иглы были обязательным инструментом лекаря. Шэнь Дуань и взял их в качестве оружия, так и получил в мире рек и озер прозвище Игла Персикового Цвета.

— Шэнь Дуань? Ты как здесь оказался? Разве в Долине Персикового Цвета тебя не держат, медицине учат? Зачем пришёл? — Меч Ван Чэнцяня был направлен прямо в жизненную точку Шэнь Дуаня. Серебристый клинок сейчас был орудием смерти.

Шэнь Дуань слегка приподнял подбородок — клинок касался его шеи. Но выражение лица оставалось спокойным, будто не его голова вот-вот могла слететь с плеч.

— Молодой мастер Ван, не горячитесь, — сказал он.

— Разоблачать меня — весело? Попробуй только тронуть яд в левом рукаве! — Ван Чэнцян не поддался. Клинок по-прежнему целился в шею. Шэнь Дуань отступил, пальцем отвёл остриё, а другую руку высвободил из рукава, показывая, что не опасен.

— Я пришёл послушать рассказ, — заявил он.

Ван Чэнцян наблюдал, как тот выходит из зоны досягаемости меча Чэнцян, и убрал клинок. Слова Шэнь Дуаня вызвали у него полное недоумение:

— Что ты сказал?

— Мне доложили, что молодой хозяин Усадьбы Восьми Ветров в странном одеянии сюда направляется. Я пришёл посмотреть, а ты тут истории травить да ещё и Горького даоса похвалил. — Шэнь Дуань отряхнул рукав, налил себе чаю и неспешно уселся. — Садитесь, молодой хозяин. Я-то думал, вражда между Усадьбой Восьми Ветров и Горьким даосом если и

не смертельная, то уж точно не настолько хороша, чтобы её молодой хозяин сам в воде мутился да хвалебные речи возносил. Или Усадьба уже забыла про третьего старшего наставника — первую жертву Горького даоса?

— Думаешь, я хотел? Третий старший наставник был безмозглым, его смерть заслуженна. Но Горький даос посмел бросить вызов Усадьбе Восьми Ветров — с этим просто так не покончишь. — Ван Чэнцян не решался садиться. Перед ним был первый ученик нынешнего поколения Долины Персикового Цвета, а уж в ядах тот был мастер непревзойдённый. Малейшая оплошность — и если не умрёшь, то кожу точно слетишь. — Если бы не история с Тремя разбойниками с божественными клинками, эта вещь не появилась бы. И вот ещё с Горьким даосом связалась — просто невезение!

— Вы тоже за ней? — протянул Шэнь Дуань. — Тогда мы соперники, и я стесняться не стану. — Всё теперь зависит от Горького даоса. Личность у него необычная, если захочет раздуть — покоя в мире боевых искусств не будет.

— Шэнь Дуань, мне капкан ставишь? Я к Горькому даосу не пойду. Пусть себе раздувает, в мутной воде рыбу ловить удобнее. А что до вашей Долины Персикового Цвета... — Взгляд Ван Чэнцяня метнулся, запястье дрогнуло.

Шэнь Дуань резко наклонился, едва увернувшись от острия меча Чэнцян. Спасло лишь то, что старого соперника он знал хорошо. Меч пронёсся над макушкой — промедли Шэнь Дуань хоть на миг, и голова бы с плеч слетела.

— Что могут натворить врачи, из долины не выходящие? Шэнь Дуань, и ты со мной тягаться собрался? Что ж, тогда я на шаг впереди! Ха-ха-ха-ха! — Не успел Шэнь Дуань поднять голову и оглядеться, как Ван Чэнцян уже исчез, лишь голос ещё звучал в воздухе.

Но он и не думал преследовать. Спокойно налив ещё чаю, Шэнь Дуань сел, окинул взглядом перепуганных посетителей чайного дома, виновато улыбнулся и поклонился во все стороны:

— Побеспокоил почтенных. Пустяковый конфликт между школами — прошу снисхождения.

Эти двое, не сойдясь в словах, сразу за оружие взялись, да и в речах одни намёки да загадки. Кто дела не знал, тот ни единого слова не понимал. Отношения между Долиной Персикового Цвета и Усадьбой Восьми Ветров всегда были хорошими, до вооружённых столкновений дело не доходило. Но нынешняя ситуация была странной — будто они за что-то соперничали, и понять, за что именно, было невозможно.

Посетители чайного дома в основном были зеваками. Назвать их простолюдинами — так те хоть каким-то мастерством владели. Назвать людьми рек и озер — так от великих событий того мира они были в стороне. Те же, кто уловил суть разговора, молчали, сжав губы, ничем не выдавая своих знаний.